

Екатерина РУДИК

**МИГ
НЕВОЗВРАТНОГО
ОТБЫТИЯ**

**Книга белая.
Молюсь за тех и за других**

В житейской суете, в поисках способов выживания мы не придаем значения общеизвестной истине, что все мы смертны. И правильно делаем. Невзирая на обрушившиеся социальные катаклизмы нужно уметь радоваться жизни, солнцу, первому снегу, грядущей весне. И все-таки «косая» нет, нет, да и заглядывает к друзьям, знакомым, напоминая о роковой неизбежности.

Для живой души любое кладбище оставляет тягостное чувство, а наше, хабаровское – удручающее. Особенно в выпавшие на нашу долю годы социального переустройства, которое как в кривом зеркале отразилось сегодня на состоянии, облике и проблемах последнего приюта

НА ЭТОТ РАЗ пойти на кладбище Веру Дмитриевну заставила не только тоска, что безутешно терзала ее все годы после похорон мужа, но и необъяснимая тревога. К чему бы это? Могилку к зиме подготовила, закрыла от снега цветочную вазу, почистила бронзовый барельеф. Ваял его талантливый скульптор: лицо мужа, как живое, солнышко блеснет – улыбается, ляжет тень – хмурится. Заказывала в дореформенные годы, сейчас за такое произведение не хватит и годовой пенсии. Убрала увядшие цветы, листья, попрощалась до весны. И вот снова почему-то пошла в ноябре. И когда показалась родная оградка, вздрогнула: на белом снегу мужниной могилы – ржавый изогнутый прут. Подняла глаза, и схватилась за сердце, – барельеф из тончайшей бронзы болтался на ветру, как распахнутая форточка. Одна его сторона, плотно впаянная в цемент, не позволила взломщику довести свое грязное дело до конца. Позарились на сто граммов бронзы, изуродовав барельеф.

Некогда блистательный врач, а ныне одинокая старая женщина, она была похожа на жалкого воробья, убитого горем, когда появилась в конторке администрации кладбища. «Лучше бы я раньше умерла, чем видеть такое» – повторяла она.

В поисках цветного металла алчные пакостники добрались до надгробных памятников, обелисков, бюстов из нержавеющей стали, меди, бронзы. Известен возмутительный случай, когда за одну ночь было разгромлено 12 надгробий – первых попавших. «Вычисляли» их по лунному блеску металла в ночи. Тогда же нелюди в человеческом облике, орудуя фомками, пытались унести с постамента внушительный бюст из меди, известного многим хабаровчанам писателя, не догадываясь, что тот скреплен с постаментом сваркой. И тогда стали злобно бить кувалдами.

В относительно стабильные времена без олигархов и мафиози, поставить памятник, запечатлевающий индивидуальность личности усопшего, особых проблем не вызывало. Правда, за гранитом надо было прождать в очереди 5-7 лет. Нынче все резко изменилось и сфокусировалось на наличии зеленых купюр. Обедневшему аристократу, похоронившему родную мать, заказать фотографию из мрамора, хотя бы с ладошку, не по карману, нужны тысячи. Однако из этого же шведского мрамора сооружаются объемно-пространственные композиции, поистине танцевальные площадки для усопших, чья жизнь – и это всем известно – не отмечена ни почетом, ни уважением горожан.

Вот эти контрасты: могилы бедняков, бывшей городской интеллигенции и разбогатевших нуворишей начисто опровергают тезис - перед лицом смерти все равны. Эти контрасты неостановимы, с каждым годом усугубляются. О чем свидетельствуют аскетически скромно оформленные захоронения на новых земельных наделах, отведенных для последнего приюта.

ЕЖЕДНЕВНО НА ГОРОДСКОМ кладбище хоронят до 30 человек. Это в два раза больше, чем пять лет назад. Время захоронения в плащ-палатках и в братских могилах давно миновало. Каждому, даже безродному самоубийце нужен гроб и по санитарным нормам 5 квадратных метров земли. Городское кладбище площадью 214 гектаров с его 56-ю секторами давно исчерпало свои возможности. Сейчас оно носит название «старое кладбище» – здесь, официально, допускаются захоронения лишь тех, у кого остался клочок земли в оградке дедов, родных, близких.

Безродных и тех, чьи родственники не смогли наскрести деньги на похороны, партиями везут в Анастасьевку - 50-60 гробов ежемесячно. Обнищавшие и безродные, как бы позор общества, им нет места на городском кладбище.

Платежеспособные передают земле на дополнительно отведенной спецкомбинатом территории к востоку площадью 12 гектаров, где разбито шесть новых секторов. Новые сектора без всяких скульптурных излишеств, неотъемлемых для буйной фантазии рыночных толстосумов, которые и сегодня сомнительными путями занимают престижные – всем на виду - места старого кладбища, теснят могилы замечательных людей Хабаровска, прорываясь в пантеон истории города. Простым же людям не до декорума.

КОГДА «ОБЖИВАЕТСЯ» новый сектор - могилы копают впрок. В зимних условиях это трудоемкая процедура – с пожогом землекоп тратит, по хронометражу, 33 часа. Работы для 30 землекопов спецкомбината - невпроворот. Буквально за последние три года все земельные отводы 20-го сектора с первыми пятью буквами алфавита были превращены в стабильные кладбища. Сегодня хоронят в секторе 20 «е», а что потом?

- Пока будем двигаться на восток, - говорит директор спецкомбината В.П.Сугробов.

Но не до бесконечности же. Территория кладбища уже уткнулась в поселок Горького, на востоке тоже жилмассив. Остро назрела нешуточная проблема – где изыскать квадраты земли для усопших.

О качественно новом современном кладбище для краевого центра речь идет уже четверть века. Известно не только его месторасположение. В районе сел Константиновка-Заозерное определена его площадь - 50 гектаров. Давно готова проектно-сметная документация, разработанная еще до реформы Граждапроектом. Однако есть традиционное «но». В годы, когда хабаровчанам были неведомы понятия «дефицит бюджета», «кризис», о проблемах последнего пристанища думать было недосуг. Хотя уже тогда противоестественным был факт, что городское кладбище, спонтанно возникшее в 1937 году за чертой города, выросло до огромных размеров и оказалось почти в центре Хабаровска.

В личном плане высоких чиновников от крайкома, крайисполкома не слишком волновали вопросы небытия, что случись, им уготованы места в элитном 3-м секторе. Так оно и было, пока не грянуло социальное переустройство общества.

Откуда же сейчас в городской казне найдутся средства на строительство цивилизованного кладбища. Остается терпеливо ждать, когда наш город будет иметь миллионное население и получит право возвести крематорий. Если учесть, что в Хабаровске проживает 612 тысяч человек, а с каждым годом рождаемость падает, смертность растет и, по свидетельству демографов, прирост населения в перспективе весьма ослаблен, мы никогда не дождемся искомого заведения. А между тем, как сказал поэт Вадим Шефнер: «И неизбежно настает миг невозвратного отбытия туда, где нас никто не ждет». (1998 г.)

Интернет-ресурс: екатерина-рудик.рф

